

мого государства, была разработана четкая и понятная для всех модель будущего государства и соответствующая ей новая светская модель идеологии. Здесь мы хотим сказать, что Послания Президента или другие программные документы, связанные с перспективой развития Казахстана на ближайшее или отдаленное будущее не являются идеологией в прямом смысле, а представляют фактически рассудочно-технократический план развития Казахстана. Другими словами, это большие цели государственной политики, а не идеология.

Литература:

1. Ссылка <http://www.contrtv.ru/common/1117/>.
2. Новая русская доктрина: Пора расправить крылья / Аверьянов В.В. и др. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – 288 с.
3. Камалудин Гаджиев // Свободная мысль, № 6, Июнь 2009, С. 85–96.
4. Александр Верховский // Свободная мысль, № 4, Апрель 2009, С. 69–80.
5. Григорий Ржешевский // Свободная мысль, № 4, Апрель 2011, С. 147–158.
6. Елена Степанова // Свободная мысль, № 11, Ноябрь 2010, С. 113–126.
7. Владимир Карякин // Свободная мысль, № 5, Май 2011, С. 155–162.
8. Олег Митрошенков // Свободная мысль, № 5, Май 2011, С. 191–202.
9. Олег Смолин // Свободная мысль, № 5, Май 2011, С. 23–38.
10. «Проект Россия. Выбор пути». М.: ЭКСМО, 2007. 384 с.
11. «Проект Россия. Третье тысячелетие». М.: ЭКСМО, 2009. 448 с.
12. «Проект Россия» М.: ЭКСМО, 2007. 448 с.
13. С.Г. Кара-Мурза. Идеология и мать её наука. (Серия: Тропы практического разума.) – М.: Алгоритм, 2002.
14. Сергей Кара-Мурза. Манипуляция сознанием. М.: 2009 ЭКСМО – 864 с.
15. О. Сулейменов. Газета «Время». 2012 г. 13.12.2012.
16. См. С.П. Расторгуев. Философия информационной войны. М., 1999.
17. См. И. Панарин. Технология информационной войны. М., 2003.
18. Р. Шайхутдинов. Сообщение, 2005, № 2.
19. С. Вальцев. Украинский раскол, как он есть. – «Дуэль», 2005, № 2 (402).
20. Сигеле Г. По книге Надырова М.К. Социально-философский анализ феномена массовости. Алматы, 2004.

Русаков В.М., Саранчин Ю.К.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИИ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор,
Институт международных связей

Саранчин
Юрий Константинович

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой
философии,
Уральский государственный экономический
университет

В настоящее время по типу экономик и уровню развития различают страны: а) с доиндустриальной экономикой (как правило, страны с сырьевой экономикой или ее основной долей); б) с индустриальной экономикой; в) с постиндустриальной экономикой; г) страны со смешанны-

ми укладами экономик; д) страны с инновационной экономикой или экономикой знаний (используются также термины: интеллектуальная экономика, новая экономика, информационная экономика, инновационно-информационная экономика и др.).

Экономика знаний – высший тип развития экономики, для которой характерны **информационное общество или общество знаний**¹. Пока, считается, что экономику знаний создали США и частично ЕС. Экономика знаний – высший этап развития инновационной экономики и следующий этап развития экономики и общества передовых стран мира². Главным фактором формирования и развития экономики знаний является **человеческий капитал**³. Развитые страны мира обладают основной долей мирового человеческого капитала. Причем большую часть инвестиций развитые страны осуществляют именно в человеческий капитал. Это дает им решающее преимущество в технологическом и интеллектуальном развитии, а также опережающем росте качества жизни населения.

Человеческий капитал в развитых странах стал **главным производительным фактором** в создании новейших технологий, развитии производств, повышении их эффективности, опережающем развитии науки, культуры, здравоохранения, безопасности, социальной сферы. Из Докладов ООН о развитии человека следует, что удельный вес человеческого капитала в таких высоко развитых странах, как США, Финляндия, Германия, Япония, Швейцария и др., составляют **до 80% их национального богатства**.

Ведущие страны мира создали близкие к оптимальным условия для быстрого и эффективного воплощения идей ученых в конкретные товары и продукты. Именно фундаментальные исследования, повышенные инвестиции в человеческий капитал и порождаемые ими новые прорывные технологии обеспечивают ведущим странам мира их лидерство.

СССР к середине 80-х годов XX века исчерпал возможности собственно индустриального развития в рамках так называемой командно-административной системы. Однако эффективную индустриальную экономику создать так и не удалось. Производительность труда в СССР была значительно ниже, чем в развитых странах. Не выросла она и в России к настоящему времени. Более того, совершенно очевидна значительная деиндустриализация России в связи с превращением ее в сырьевой придаток раз-

витых экономик. Недостаточно качественным является и российский человеческий капитал. СССР не существует уже, как известно, 20 лет! В современных условиях (и при существующем сознательно избранном курсе развития страны господствующей социальной группой, сосредоточившей в своих руках 80% национальных богатств) – это очень много.

Для инфраструктуры экономики знаний характерно создание инфраструктуры реализации и последующего трансфера идей, изобретений и открытий: от фундаментальной науки до инновационных производств и далее до потребителей⁴.

В настоящее время особое внимание уделяется человеческому капиталу, созданию такой инфраструктуры, которая позволила бы использовать накопленные опыт и знания в производстве и потреблении. Соответственно этим задачам, а также для исследования новых процессов и явлений формируется система индикаторов, отражающих уровень развития сектора повышенного спроса на знания и в целом экономики, основанной на знаниях. В качестве положительного примера можно привести предложенную OECD⁵ систему индикаторов, которая позволяет сопоставить уровень и динамику развития стран-участниц этой организации. В составе этой системы, в частности, можно выделить следующие группы индикаторов⁶:

- развитие высокотехнологичного сектора экономики, его удельный вес в продукции обрабатывающей промышленности и услугах; инновационная активность;

- размер инвестиций в сектор знаний (общественный и частный), включая расходы на высшее образование, научные исследования и опытно-конструкторские разработки, а также в разработку программного обеспечения (сейчас расходы на эти цели в странах OECD составляют в среднем 4.7% ВВП, а с учетом всех уровней образования – свыше 10%)⁷;

- разработка и выпуск информационного и коммуникационного оборудования, программного продукта и услуг (вложения в инфокоммуникационные продукты и технологии возросли с 15% от инвестиций в производство в начале

1980-х годов до 35% в 1999 г., причем инвестиции в программное обеспечение (ПО) составили 25–40% от вклада инфокоммуникационного сектора в рост инвестиций в целом);

- рост численности занятых в сфере науки и высоких технологий (в 1999 г. в странах OECD насчитывалось около 38 млн. человек, 25% трудовых ресурсов, занятых высококвалифицированным трудом в данной сфере);

- участие частного капитала в финансировании НИОКР (в большинстве стран OECD его доля в 1990-е годы возросла, в частности, в странах ЕЭС с 52% до 55%, в США с 57% до 67%);

- структура расходов на НИОКР по стадиям научных исследований (в большинстве стран расходы на фундаментальные исследования возросли по сравнению с 1980 г. как в абсолютном, так и в относительном выражении) и по направлениям (в странах OECD доля расходов на военные НИОКР снизилась, в то время как повысилась доля расходов на НИОКР в области здравоохранения, биотехнологий и инфокоммуникационных технологий);

- межстрановые потоки знаний, а также международное сотрудничество в области науки и инноваций (в середине 1990-х годов в странах OECD 27% научных публикаций были международными);

- межстрановой обмен результатами изобретательской деятельности (14% полученных в странах OECD патентов приобретено иностранными резидентами, одновременно страны OECD приобрели около 15% патентов, полученных за рубежом);

- распространение инфокоммуникационных технологий, широкое использование персональных компьютеров, определяющий вклад инфо-коммуникационного сектора в рост числа рабочих мест и занятости (в 2000 г. в Швеции персональные компьютеры имелись в 60% домохозяйств, в Дании – в 65%; в этих же странах более половины взрослого населения использует Интернет, соответственно, 68% и 62%);

- доля высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности и высокотехнологичных услуг (доля валовой добавленной стоимости отраслей высоких технологий высоко-

го и среднего уровня в ВВП в конце 1990-х годов была особенно высокой в Ирландии – свыше 16%, Южной Корее – 12.6%, Германии – 11.7% и Японии – 10.7%);

- уровень развития рыночных услуг с повышенным спросом на знания (в странах OECD – около 18% ВВП, а вместе с нерыночными – образованием и здравоохранением – примерно 29%);

- возрастание доли высокотехнологичной продукции в товарообмене между странами, положительное сальдо ведущих стран в торговле высокотехнологичной продукцией;

- ускорение патентования результатов новых разработок и изобретений в области высоких технологий.

Переход к экономике, основанной на знаниях, сопряжен с ростом суммарных инвестиций в соответствующий сектор. Обращают внимание при этом, что «сопоставление данных о затратах на входе сектора знаний в странах OECD и России для двух вариантов выбора отраслей (только высшее образование и все уровни образования) показывает, что относительно ВВП у нас выделяется в первом случае в 3 раза, а во втором в 2.1 раза меньше ресурсов, чем в среднем в указанных странах. В сравнении с США, Швецией, Южной Кореей Россия проигрывает еще больше»⁸.

В этих условиях резко возрастают требования к уровню квалификации государственных решений в области экономики знаний, поскольку сегодня очевидна несостоятельность не только командно-бюрократической системы (СССР), но и вульгарного «рыночного фундаментализма», активно проповедуемого и внедряемого в практику управления российским обществом. При существующем крайне низком уровне государственного управления в РФ (режим «ручного управления») трудно ожидать адекватного понимания, и тем более – межведомственного взаимодействия: сегодня вместо поддержки (и защиты! – авторского права) уникальных научных коллективов происходит их планомерное уничтожение, а вместо них создаются мыльные пузыри (вроде пресловутых «Роснано», Сколково и т.п.). Совершенно неведома государству этой сферой проблема научной «ре-

путации», научного авторитета (которыми государство разбрасывается невероятно «щедро», занимаясь систематической дискредитацией российских ученых, российского образования).

Существенно важно то, что эпохе экономики, основанной на знаниях, соответствует иная, по сравнению с привычной, **социальная структура**. Какую социальную структуру создает доиндустриальная сырьевая экономика – мы хорошо знаем. Сырьевая экономика враждебна инновациям и прогрессивной социальной структуре (избавление от «непрофильных активов», порождение сплошных социальных проблем и конфликтов («Пикалево»)). Вместо инвестиций в человеческий капитал (воспитание, образование, наука, медицина) правительство РФ вкладывает гигантские средства в создание крайне неэффективных – огромной полиции, колоссального чиновничье-бюрократического аппарата. После чего наступает порочный круг: потребуются еще большие затраты на пенитенциарную систему, перекладывание на катастрофически стареющее население неподъемных затрат на здравоохранение, пенсионное обеспечение и борьбу с обвальноей наркотизацией молодежи.

Кроме того, такой экономике нужна новая **институциональная система**: при финансовых и промышленных корпорациях-гигантах должны создаваться фирмы, осуществляющие и продвигающие НИОКР и инновации. В РФ дочерние структуры госмонополий создаются лишь для «распила» средств госбюджета, увода их в оффшоры, увеличения стоимости продукции.

В этих исторических и геополитических условиях резко возрастает роль непрерывного образования, принципиально нового его понимания. Задача не в том, чтобы в некий ограниченный период дать человеку все необходимые знания, умения и навыки на всю оставшуюся жизнь. За ограниченный период можно лишь: а) осуществить подготовку к какому-либо виду жизнедеятельности, б) научить учиться. Человек ценен именно своей способностью уметь непрерывно учиться («Животные действуют по мере своего вида и только человек способен выходить за рамки (пределы) своего вида – как универсально-предметное суще-

ство»). Гуманистический идеал (воспринявший переработанную античную идею) универсального и всестороннего развития человека лежит в основе системы непрерывного образования. Но он сталкивается с всемирно-историческим процессом общественного разделения труда и профессионализацией – пожизненным закреплением человека за каким-то определенным ограниченным видом деятельности. Как раз идея непрерывности образования призвана разрешить это противоречие: человек способен в течение жизни преодолевать вынужденную ограниченность отдельного вида специализированной деятельности, преодолевать превращения себя в придаток ее.

Надо отдавать себе отчет, что страны Западной Европы на своем саммите в Лиссабоне (март, 2000) недвусмысленно определились со стратегическим характером проблемы непрерывного образования и развития человеческого капитала для завоевания благоприятных позиций в весьма жесткой, если не сказать – жестокой конкурентной борьбе.

Суммируя сказанное о вызовах современности и выработанных развитыми странами подходов, мы должны четко понять ряд стратегических проблем, от решения которых, без всякого преувеличения, зависит не просто то или иное будущее России как суверенной державы, но прямо и непосредственно – безопасность нашей страны.

Во-первых. Образованию в России следует вернуть его исходный **гуманистический смысл**: здесь происходит образование человека (или если угодно, «человеческого капитала»). Сегодня – это вопрос государственной безопасности и выживания независимой России: на счету должен быть каждый россиянин⁹. С варварством рыночного фундаментализма необходимо покончить и как можно скорее, пока есть силы, способные сделать это контролируемо и с учетом объективных закономерностей. Подчинение образования интересам бизнеса (в особенности такого, каковой создан в РФ сегодня!) есть больше, чем ошибка или заблуждение¹⁰.

Во-вторых. Нужно отказаться от представления о непрерывном образовании как некой

«добавки», «довеске» — «опция» в системе образования страны (часто добавляют: образование взрослых). *Непрерывное образование всего населения — вот стратегический императив нашего времени*, магистральное направление для России XXI века. Непрерывное образование — это комплексное образование/воспитание всех социальных групп общества. В том числе: общественно-политическое.

В-третьих. Возродить лучшие *традиции отечественной педагогики* и организации образования, которые в большинстве своем исходили из глубоко понятой идеи непрерывного образования и развития личности в процессе его. Глупейшее копирование зарубежных систем¹¹ не просто комично, но зачеркивает фундаментальный капитал отечественной педагогической мысли и практики, накопленный за два столетия. Россия и СССР, практически, в течение всего XX столетия были на самых передовых позициях в этой области и служили источником бесценного уникального опыта. Как минимум, дважды Запад вынужден был самым внимательным образом изучать советский опыт: опыт А.С. Макаренко в 20-х годах и советскую систему образования после запуска первого в мире искусственного спутника. Что в этом наследии особенно ценно — это глубина понимания идеи непрерывности образования: комплексность процесса, необходимость системы, выделение ключевого звена (школа, школьный коллектив, учитель, ученик, знание). Образование не как придаток какой-либо ограниченной сферы деятельности (это делают курсы, обучение на рабочем месте, учреждения повышения квалификации, мастер-классы и т.п.). Школа не только как источник необходимых знаний, но и важный социальный институт правильно организованной и здоровой социальной жизни, в котором действительно будет происходить «сбережение народа», бережное («экономное») отношение к «человеческому капиталу» и в котором формирующаяся личность будет научиться именно такому подходу к людям, принципам такой организации «здорового общества». Для которого потом не надо будет строить тюрьмы, детские дома и приюты, наращивать полицию¹².

В-четвертых. Образованию необходимо вернуть *высокий социальный престиж и статус*. Непрерывность образования как принцип организации социальной жизни и управления обществом способна решить эту задачу. Дико звучат рассуждения чиновников, сводящих все проблемы к уровню зарплаты. Еще более дикой является ситуация, когда бюрократия попирает мнение научно-образовательного сообщества (по главным вопросам развития системы образования и воспитания), в целях канализации массового протеста против коррупции в госаппарате усиленно твердит о масштабах взяточничества в системе образования.

В-пятых. Непрерывное образование необходимо *распространить на чиновничество*, сегодня демонстрирующее ужасающее невежество в понимании тех сфер, которыми оно якобы управляет. Наглядным примером является пресловутый режим «ручного управления» (личное вмешательство высшего руководства как единственное средство создания видимости какого-то разрешения проблем; бесчисленные «взятия под личный контроль» любого вопроса; бесконечные личные «разносы» высшему чиновничеству — губернаторам, министрам, олигархам, — за провалы, просчеты и даже преступления).

Примечания:

1. Академик В.Л. Макаров указывает: Термин «экономика знаний» был введен в научный оборот австроамериканским ученым Фрицем Махлупом (1962) в применении к одному из секторов экономики. Сейчас этот термин, наряду с термином «экономика, базирующаяся на знаниях», используется для определения типа экономики, в которой знания играют решающую роль, а производство знаний является источником роста. Широко применяемые понятия «инновационная экономика», «высокотехнологическая цивилизация», «общество знаний», «информационное общество» близки понятию «экономика знаний» — Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской Академии наук, т. 73 № 5 (2003), с. 450.
2. В литературе обоснованно оговаривается, что это может быть всего лишь следующая фаза индустриальной эпохи, благосостояние по-прежнему определяется производственными процессами, а нематериальные активы повышают конкурентоспособность, не более. Что связано с ростом влияния финансового капитала в сравнении с производительным.

3. Индекс развития человеческого потенциала, ежегодно рассчитываемый ООН и учитывающий целый ряд факторов: уровень экономического развития страны и здравоохранения в ней, доступ человека к знаниям, создание нового знания. По этому индексу за 2002 г. мы занимаем 60-е место в мире, в то время как Канада – 3-е, Соединенные Штаты – 6-е. Понятно, что это определяется, в первую очередь, государственной политикой в сфере науки и образования.
4. «В настоящее время инвестиции в знания растут быстрее, чем инвестиции в основные фонды: в странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСД) в 90-е годы – в среднем на 3.4% в год против 2.2%. Из всего объема знаний, измеренных в физических единицах, которым располагает человечество, 90% получено за последние 30 лет, так же, как 90% из общего числа ученых и инженеров, подготовленных за всю историю цивилизации, – наши современники. Это наиболее явные признаки перехода от экономики, базирующейся на использовании природных ресурсов, к экономике, основанной на знаниях». – Там же.
5. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).
6. См.: Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской Академии наук, т. 73 № 5 (2003), с. 454.
7. В США примерно 60% рабочей силы составляют лица с высшим и неоконченным высшим образованием. Выдвигается задача довести этот уровень до 90% еще при нынешнем поколении американцев. Это новое качество жизни, новое качество работника, новое качество человека. В РФ правительство не только систематически заявляет о том, что в стране «слишком много вузов», но не менее последовательно недофинансирует образование и науку.
8. Там же. С. 442–453.
9. В 1991 году в стране насчитывалось 40,1 миллиона детей и подростков в возрасте от 0 до 17 лет, в 1995 году – 38,3 миллиона, в 2000 году – 33,9 миллиона, в 2002 году – 31,5 миллиона, т. е. за последнее десятилетие детей и подростков в России стало меньше на 8,6 миллиона человек (Здравоохранение в России. Статистический сборник / Госкомстат России. М., 2001. С.40; Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2002 года (Статистический бюллетень) / Госкомстат России. М., 2002. С.5 (все данные приведены по состоянию на 1 января указанного года). на начало 2002 года число беспризорных в стране составляло 1 миллион человек, к этому следует прибавить 100–130 тысяч безнадзорных. В то же время, по оценкам МВД и Генпрокуратуры, также публиковавшимся в прессе и звучавшим с телеэкрана, их число достигало 2–2,5 миллиона человек, а по оценкам Совета Федерации и независимых экспертов – 3–4 миллиона человек, приближаясь к количеству беспризорных в 1921 году (4,5–6 миллионов человек). По оценкам, количество детей-сирот и детей, остав-
- шихся без попечения родителей растет в Российской Федерации из года в год: 658,2 тысячи человек в 1999 году, 662,2 тысячи – в 2000 году, 682,2 тысячи – в 2001 году, 700 тысяч – в 2002 году (Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации» / Министерство труда и социального развития. М.: 2001. С. 52; Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации» / Министерство труда и социального развития. М.: 2002. С.102; Озерова М. «Беспризорная» статистика / «Московский комсомолец». 21 февраля 2002. С.2).
10. Глава Сбербанка Г. Греф заявил, что нашей национальной трагедией является лишнее высшее образование: «Знаете, сколько процентов населения получает высшее образование сегодня? 87%. Это трагедия» // Ю. Крупнов. Лишнее образование, лишние люди, лишняя страна – к разгрому социального государства. – КМ.Ru. 19/05/2011. Как известно, Япония поставила задачу перейти в 2016 г. к всеобщему высшему образованию.
11. Принимающее, как в случае с пресловутой «Болонской системой», гротескный характер: правительство РФ выкручивает руки системе образования, навязывая ту же «мобильность», не желая видеть, что как равноправных партнеров наших ученых и преподавателей там отнюдь не ждут (только в качестве гастарбайтеров).
12. 821268 – такова теперь, согласно президентскому указу, предельная штатная численность российской милиции. Ранее эти цифры были закрыты. По разным данным, у нас было от 1,5 до 2 млн. милиционеров. Обычно число борцов с преступностью примерно равно количеству отбывающих срок. Сейчас в тюрьмах – 808 507 человек. В Японии при почти такой же численности населения – 250 тысяч полицейских. В США в полиции служит 500 тысяч человек. – Московский Комсомолец, от 08.11.2005.